

АПК РФ была признана обязательной арбитражным судом, суд может наложить на указанных лиц судебный штраф в порядке и в размерах, которые предусмотрены в гл. 11 АПК РФ.

Сама по себе данная норма не вызывает нареканий, но возникает такой вопрос – а в каких случаях арбитражный суд может обязать явкой лиц, участвующих в деле? АПК РФ прямо предусматривает такую возможность по отдельным категориям дел (для представителей административного органа и заявителей – по делам об оспаривании решений административных органов, для представителей административного органа и лиц, в отношении которых составлен протокол об административном правонарушении, – по делам об административных правонарушениях, и некоторых др.).

Но нет однозначного ответа на вопрос, может ли суд по делам искового производства обязать сторон явкой, применив ч. 5 ст. 3 АПК РФ (аналогия закона), хотя это прямо не предусмотрено АПК РФ. Как следствие, встает вопрос и о правомерности применения штрафа к лицам, не исполнившим требование суда о явке по делам искового производства.

Несмотря на планомерно ведущийся процесс унификации процессуального законодательства РФ, ряд нормативных положений остается отличающимися, в том числе и нормы о судебных штрафах.

Так, определение арбитражного суда о наложении судебного штрафа может быть обжаловано в десятидневный срок со дня получения лицом, на которое наложен судебный штраф, копии определения (ч. 6 ст. 120 АПК РФ) путем подачи апелляционной жалобы, тогда как на определение о наложении судебного штрафа в рамках административного судопроизводства может быть подана частная жалоба в течение месяца со дня получения копии данного определения (ч. 3 ст. 123 КАС РФ).

ГПК РФ вообще не предусматривает возможность обжалования определения о наложении судебного штрафа. Однако ч. 1 ст. 106 ГПК РФ допускает возможность лица, на которое наложен штраф, в течение десяти дней со дня получения копии соответствующего определения, обратиться в суд, наложивший штраф, с заявлением о сложении или об уменьшении штрафа. Это заявление рассматривается в судебном заседании в течение десяти дней. Лицо, на которое наложен штраф, извещается о времени и месте судебного заседания, однако его неявка не является препятствием к рассмотрению заявления.

Определение суда об отказе сложить судебный штраф или уменьшить его может быть обжаловано путем подачи частной жалобы (ч. 2 ст. 106 ГПК РФ).

Полагаем, различие в терминологии, порядке обжалования ничем не обусловленным и не оправданным.

УДК 347.4:004.9

В.Ю. Карнычев

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОПОРТУНИСТИЧЕСКОМУ ПОВЕДЕНИЮ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ

Институциональная экономическая теория рассматривает *контракт* (договор) как совокупность правил, регулирующих взаимоотношения между экономическими агентами посредством определения обмениваемых прав и взятых обязательств и определения механизма их соблюдения. В целом экономическая теория контрактов тесно связана с правом.

С гражданско-правовой точки зрения *контракт* является синонимом договора, т. е. соглашения двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)). Гражданское законодательство устанавливает правила ведения договорной деятельности:

договор подлежит обязательному исполнению (ст. 425 ГК РФ);

одностороннее изменение его условий допускается только в определенных случаях и лишь по решению суда (ст. 450 ГК РФ);

нарушение принятых по договору обязательств влечет обязанность возместить причиненные этим убытки (ст. 15, 393 ГК РФ).

Эти правила хорошо корреспондируют понятию *полного (классического, совершенного) контракта*, под которым понимается контракт, основанный на законодательстве, четко фиксирующий условия сделки и предполагающий санкции за их нарушение. Классический контракт предполагает, что отношения сторон четко определены (определены все значимые условия сделки). При этом отсутствуют какие-либо устные договоренности сторон.

Поведенческой предпосылкой полного контракта является неограниченная рациональность экономических агентов (действие их оптимальным для достижения наилучшего ожидаемого результата образом). Иначе говоря, полный контракт представляет собой модель идеальной договорной деятельности, в которой доминируют типовые договорные отношения и формальные юридические нормы.

Кроме рационального поведения контрагентов договора полнота контрактации (описания взаимных условий, прав и обязанностей сторон в возможных ситуациях) зависит от возможности зафиксировать в контракте все последствия заключаемой сделки, вероятные разногласия и конфликты интересов и может существенно варьироваться.

В реальных экономических отношениях классические контракты достаточно редки, поскольку контрагенты сталкиваются с неполнотой

контрактации – существующей невозможностью предвидеть все вышеуказанные обстоятельства заключаемой сделки. В результате обязательства сторон описываются в контракте формально, не полностью.

Неполнота контрактации приводит к понятиям неоклассического и имплицитного контракта. *Неоклассический (неполный) контракт* – контракт в условиях неопределенности, когда невозможно формализовать все условия и предвидеть все последствия заключаемой сделки. *Имплицитный (отношенческий) контракт или самоподдерживающиеся соглашения* (self-enforcing agreements) – долгосрочный взаимовыгодный контракт, в котором неформальные условия преобладают над формальными. Его выполнение гарантируется взаимной заинтересованностью контрагентов.

В этом случае с правовой точки зрения стороны могут предусмотреть в неполном договоре кроме перечисленных ряд иных правовых средств обеспечения его исполнения: условие о неустойке, поручительство, гарантию. Сопутствующий договору механизм имущественной ответственности дополняется правом расторгнуть договор при его существенном нарушении контрагентом (ст. 450 ГК РФ).

Неполнота контракта и ограниченная рациональность агентов также предпосылки для *злоупотребления правом*, под которым ст. 10 ГК РФ понимает осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Как отмечают исследователи, легальные формулировки ст. 10 ГК РФ представляются неудачными, поскольку не позволяют определить конкретные признаки злоупотребления гражданским правом. Не уточняются и не разъясняются характерные черты злоупотребления правом и в актах судебного толкования.

Более предметно вопросы злоупотребления правом разработаны в экономической теории, теории которой утверждают, что для участников договорных отношений характерно оппортунистическое поведение, выражающееся, в частности в неполной или искаженной передаче информации с предумышленным намерением ввести в заблуждение, обмануть, запутать или помешать, а также иные формы лжи, воровства и нечестного поведения. Оппортунизм представляет собой ситуацию, в которой «одна сторона принимает решение добиться достижения собственных интересов за счет других».

Оппортунистическое поведение может существовать в предконтрактный и послеконтрактный периоды, а также иметь множество форм и проявлений.

Обязательства сторон описываются в контракте формально, не полностью, что создает условия для оппортунистического поведения контрагентов по отношению друг к другу. Кроме того, контрагенты попытаются минимизировать свои затраты в постконтрактный период, например, пренебречь ненаблюдаемыми аспектами своих обязанностей и сконцентрировать усилия на точном выполнении измеряемых (или вознаграждаемых) параметров контракта.

Практически всегда существует также ограниченность возможностей постконтрактного мониторинга, вызванная затратностью этой процедуры.

Вышеизложенное определяет актуальность сокращения издержек оппортунистического поведения всех агентов договорных отношений. Для решения этой задачи современные теория и практика выработали различные подходы к противодействию оппортунистического поведения контрагентов. В частности, на предконтрактной стадии можно максимально подробно прописывать условия договора, стремясь реализовать полный контракт. На постконтрактной стадии для противодействия оппортунизму контрагентов достаточно часто акцент делается на контроле и измерении результатов работы. Однако в любом случае меры противодействия снижают, но не исключают оппортунистического поведения контрагентов. При этом добросовестная сторона несет значительные издержки.

Одним из возможных путей преодоления трудностей борьбы с оппортунистическим поведением (злоупотреблением правом) может оказаться применение в контрактных отношениях новой информационной технологии, известной под названием смарт-контракт (smart-contract, S-контракт). Отметим, что в специальной литературе предлагается большое количество определений S-контракта. Мы рассматриваем это понятие как двуединое.

С технической точки зрения S-контракт – компьютерный код, хранящийся в специально организованном реестре данных (блокчейне, БЧ).

С правовой точки зрения *смарт-контракт* – договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств, по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств.

Эта позиция позволяет предложить свою интерпретацию: S-договором может именоваться специализированное программное обеспечение (программа ЭВМ в значении ст. 1261 ГК РФ, ПО), содержащее элементы

искусственного интеллекта (смарт) и предназначенное для поддержки экономической деятельности в части фиксации условий договора, автоматического их исполнения при реализации набора детерминированных условий и хранения данных по исполненным договорам.

В данном определении отражены основные особенности S-контракта:

фиксация в программном коде условий договора (предконтрактная стадия);

автоматическое их исполнение при реализации набора детерминированных условий (постконтрактная стадия);

хранение данных по исполненным договорам.

Таким образом, *S-контракт* – всего лишь инструмент (программное обеспечение, код), поддерживающий или полностью реализующий цепочку экономических взаимодействий (транзакций) в автоматическом или автоматизированном режимах. При этом S-контракт должен нести в себе логику и семантику *классического* договора, в том числе предотвращения оппортунизма в контрактных отношениях; механизма принуждения к выполнению S-контрактов.

Технология блокчейна позволяет реализовать приведенные характеристики S-контрактов.

Экономической моделью S-контракта является совершенный, самоисполнимый договор (self-fulfilling contracts). Технологической основой такого контракта могут быть программные шаблоны типовых договоров, обеспечивающие минимальные транзакционные издержки.

Однако в настоящее время S-контракты могут иметь ограниченное применение, например, для поддержки традиционной договорной деятельности в качестве вспомогательного инструмента автоматизированного выполнения условий договора (ancillary smart contracts). Ограничения определяются особенностями технологии блокчейна, рассмотрение которых выходит за рамки настоящей статьи.

Перспектива широкого применения S-контрактов в сложных договорных отношениях представляется пока не вполне определенной и будет зависеть от разрешения комплекса вопросов в правовой, технической, экономической и, может быть, даже ментальной областях.

Так, технические решения должны позволять автоматизировать неполные, отношенческие и имплицитные договоры. В экономической части необходимы разносторонние исследования по постановке и решению оптимизационных задач, в том числе минимизирующих транзакционные издержки. Для введения S-контракта в правовое поле требуется серьезное совершенствование действующего законодательства и принятие новых нормативных правовых актов.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ В ГОСУДАРСТВАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА ЕАЭС

Начавший функционирование с 1 января 2015 г. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), сменивший Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в настоящее время активно формирует свою правовую базу (евразийское право, или право ЕАЭС). При этом национальное трудовое, гражданское законодательство государств – членов ЕАЭС (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России), параллельно формировавшееся после распада СССР на протяжении более 25 лет, к настоящему моменту существенно отличается как по системе и видам действующих нормативных правовых актов, так и по содержанию норм, построению трудовых, гражданских и семейных кодексов.

Важнейшим регулятором общественных отношений является право. В правовой науке проблема ответственности до сих пор остается одной из самых главных и актуальных. Законность и правопорядок являются неотъемлемыми элементами общественных отношений. Для существования государства и права необходимо принуждение по отношению к тем, кто не подчиняется закону. Важнейшим инструментом такого принуждения является прежде всего юридическая ответственность.

В настоящее время в рамках Союза в целом сформирован и функционирует внутренний рынок труда. Договор о Союзе закрепил ряд существенных преференций гражданам государств-членов при осуществлении ими трудовой деятельности и пребывании на территории государства трудоустройства в период работы.

Источники правового регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений получили более детальное урегулирование с принятием Трудового кодекса (ТК) Республики Армения (ст. 4, 5 и 6), ТК Республики Беларусь (ст. 7 и 8), ТК Республики Казахстан (ст. 2 и 11), ТК Кыргызской Республики (ст. 3, 4 и 5) и ТК Российской Федерации (ст. 5, 8). Вместе с тем действующие редакции вышеуказанных статей ТК государств – членов ЕАЭС имеют существенные расхождения (как терминологические, так и содержательные) и в полной мере не позволяют выстроить стройную, непротиворечивую научно обоснованную систему источников регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, охватывающую национальные, между-